

Боевые и трудовые заслуги П. Х. Гребнева высоко оценила Родина. Он награжден Орденом Красной звезды, двумя Орденами Отечественной войны, девятью медалями: «За боевые заслуги», «За победу над Германией», «За взятие Будапешта» и др.

П. Х. Гребнев скончался 2 декабря 1980 г. в Иркутске. Он оставил о себе достойную память воина, уважаемого труженика-педагога, авторитетного воспитателя студенческой молодежи.

Примечания

1. Иркут. ун-т. 1975. 9 апр.
2. Там же.
3. Кафедра отечественной истории и политологии ИГУ за 50 лет: люди, судьбы, книги : биобиблиогр. словарь / под ред. Ю. А. Зуляра. Иркутск : Оттиск, 2008. С. 7.
4. Иркут. ун-т. 2010. 30 сент. С. 6.
5. Иркут. ун-т. 1982. 24 февр.
6. Там же.
7. Дятлов В. И. О моих учителях. Памяти профессора Сергея Владимировича Шостаковича. Воспоминания и научные статьи. К 100-летию со дня рождения. Иркутск : Оттиск, 2002. С. 49.
8. Архив ГОУ ВПО ИГУ. Ф. Р-71. Оп. 9. Д. 60. Л. 1-18.

КАТЦИНА Т. А.

НЕИМУЩЕ СИБИРИ В XIX В.

Существует мнение, что наличие феномена бедности «кормит» социальную работу, не снимая ее актуальности для всех времен. Нищенство как крайняя форма проявления бедности насчитывает многовековую и незавершившуюся историю. Понятие это многоплановое, выходящее далеко за рамки констатации низкого уровня дохода. Российская статистика конца XIX в. зафиксировала 500 тыс. нищенствующих [1], т. е. 3,9 % населения страны, однако их было значительно больше [2].

В различных регионах Российской империи нищенство приобретало существенные особенности за счет определенного уровня социально-экономического и культурного развития, религиозного и этнического состава населения. В Сибири оно было связано с массовой уголовной ссылкой.

Наращение потока ссыльных на протяжении всего XIX в. породило в сибирском крае значительные трудности в их размещении и управлении, регионально раздвинуло границы нищенства, исторически концентрировавшегося в центральных губерниях России. Численность уголовных ссыльных в сибирских губерниях

в XIX в. составляла 800 тыс. (включая членов семей, добровольно последовавших за сосланными) [3]. Именно ссыльные образовывали основной контингент, из которого рекрутировались нищие. Большое распространение нищенство получило в Иркутской и в Тобольской губерниях, менее развито было в Енисейской губернии (1–1,6 % от численности населения) [4].

На места поселения многие ссыльные приходили без средств к существованию, истомленные, сломленные не только морально, но часто и физически. О том, в каком стесненном материальном положении они оказывались, свидетельствуют данные томской тюремной инспекции, собранные за 1894–1898 гг.: 64,6 % ссыльных не имели никаких средств к существованию. Из 1677 ссыльных, имевших деньги, 131 чел. обладали суммой свыше 50 руб., 65 чел. – около 50 руб., 719 – не более 5 руб. Для первоначального обустройства на месте поселения требовалось минимум 50 руб. [5].

Начальник главного тюремного управления А. П. Соломон, командированный в 1898 г. в Сибирь для изучения условий отбывания и положения ссылки и каторги, отмечал в своем отчете «непомерное увеличение числа неспособных ни к какой работе» [6], их процент на начало XX в. составил 42,4 [7].

Неимущим и признанным не способными к физическому труду ссыльным назначалось пособие из экономического поселенческого капитала. В Западной Сибири постановлением совета главного управления от 24 декабря 1876 г. пособие выдавалось ежемесячно в размере 3 руб. Ссыльные Восточной Сибири получали его на основании постановления местного главного управления от 26 февраля 1864 г. В Енисейской губернии – только 19 руб. 13 коп. в год на человека, а в Иркутской губернии и Забайкальской области – ежемесячно по 3 руб. Поселенческий капитал находится в бесконтрольном чиновничьем распоряжении. Так, по сообщению тобольской администрации, не удовлетворены были более половины действительно нуждавшихся во вспомоществовании [8]. В Енисейской губернии некоторым ссыльным пособие не выплачивалось с 1906 г. по 1915 г. [9].

Несмотря на закон, обязывавший наделять приписанных к сельским обществам ссыльнопоселенцев землей, сибирские крестьяне предпочитали выдавать им билет на право отлучки и небольшую сумму денег от 3 до 5 руб., лишь бы избавиться от нежелательного соседства [10]. В 1880–1890-х гг. в Восточной Сибири более 50 % бездомных составляли ссыльные, тогда как доля старожилов не превышала 5 % [11]. Но даже те, кто оставался на мес-

тах приписки и получал надел, не могли вести самостоятельное хозяйство. Не спасала положение и возможность получить экономическую поддержку из специального заемного капитала ссыльнопоселенцев Восточной Сибири. Неполноправное положение, в которое попадали поселенцы на месте приписки, создавало возможности для их эксплуатации со стороны зажиточных крестьян-старожилов, купцов и владельцев золотых приисков.

У значительной части ссыльных отсутствовала мотивация к занятию не только земледельческим, но и любым другим трудом вообще. Главным их делом становились грабежи, конокрадство, изготовление фальшивых денег. Это принимало такие масштабы, что ни сельское общество, ни власть не могли справиться с засильем криминальных элементов, и местное население вынуждено было подчиняться устанавливаемому ими диктату. Известный польский революционер В. Серошевский, отбывавший ссылку в Якутии, приводит случай, когда бывалые и бойкие поселенцы, застрашав местное население, получили не только полный земельный надел, но и довольно значительное содержание (от 3 руб. 30 коп. до 9 руб. 55 коп. на душу ежемесячно). «Поселенец такой живет настоящим “барином” на взгляд содержащей его инородческой, вечно голодной нищеты. Он мало работает и требует себе почета от людей, насчет которых кормится. ...Якуты боятся, и ненавидят “посельщиков”, сознают вредное их влияние на своих сородичей, у которых последние учатся организованно воровству и разбоям...» [12].

Система обязательных работ для ссыльных, предложенная М. М. Сперанским в рамках реформирования Сибири, предусматривала для разряда ремесленников устройство работных домов при приказах общественного призрения, где ссыльные могли находиться до 6 лет. Из их заработка производились вычеты в экономическую сумму (2 %) на покрытие расходов, а также на содержание конторы, распределявшей работы и заведовавшей денежными средствами. Лишь остаток заработка поступал в артельную сумму работников. Труд ссыльных использовался для потребностей суконных фабрик, производства столярных, оконных, медных, кузнечных, слесарных работ.

Из работных домов, учрежденных в Сибири, дольше всех (до 1853 г.) просуществовали иркутский и красноярский, а томский и тобольский были упразднены в 1830 и 1836 гг. соответственно. Накануне ликвидации в иркутском ремесленном доме состояло 56 мужчин и 42 женщины, а прибыли получено только 86 коп.

[13]. Архивные документы свидетельствуют, что в иркутский рабочий дом попадали лица, осужденные за бродяжничество [14].

Бродяжничество являлось наиболее распространенной формой нищенства в Сибири. По преступлениям ссылаемые за бродяжничество составляли главный контингент ссылки (2/3 всего числа уголовных ссыльных) [15]. Как ни печальна и ни бедственна была жизнь нищих-бродяг, однако ни сибирский мороз, ни голод не останавливали их от побегов. «Всего печальнее, – констатировал Н. М. Ядринцев, – что нищенствует народ сильный и физически способный к труду» [16]. Современники справедливо нарекали бродяжничество «бичом Сибири», указывая при этом на сочувственное отношение к нему местного крестьянства. Так, для бродяг в Забайкалье существовал обычай оставлять омулей, в Иркутской губернии – хлебные и мясные припасы на заимках, на Барабе – молоко и хлеб около изб. Высказывалось мнение, что делалось это для того, чтобы не заставлять бродяг «унижаться и просить пропитание» [17]. Возможно, население руководствовалось еще и желанием оградить свое имущество от воровства, опасалось мести (поджог имущества и пр.). Так или иначе, сибирское крестьянство постоянно «подкармливало» от 30 тыс. до 40 тыс. «непроизводительного и бесполезного народа» [18]. По некоторым данным, состоятельный российский крестьянин тратил на подавание бедным из своего годового бюджета 2,5–4 руб. [19], каждый губернский город Сибири уплачивал нищим 8000 руб. милостыни, вся же Сибирь – 2 960 000 руб. ежегодно [20].

Призрение немощных ссыльнопоселенцев осуществлялось в двух видах: принятием их в богадельни или дома частных лиц. Богаделен было немного, устраивались они на небольшое число мест, поэтому не вмещали всех нуждающихся.

Ссыльнопоселенческие богадельни существовали лишь в Тобольске и на о-ве Сахалин. В Томской губернии ссыльных всех категорий принимали шесть специализированных сельских богаделен и одна томского благотворительного общества. Енисейская губерния не могла похвастаться наличием таких учреждений, и ссыльные определялись в малочисленную богадельню приказа общественного призрения. Ссыльнопоселенцы составляли более половины из числа призреваемых в богадельне при иркутской кузнецовской больнице. Естественно, что заведения общественного призрения предъявляли требования к возмещению им из казны расходов на содержание ссыльных. Переписка благотворительных заведений с тюремным ведомством по этому во-

просу длилась годами. И. П. Павлова обратила внимание, что в § 2 ст. 24 Установления о ссыльных 1909 г. не содержалось указания, за какой счет ссыльные, ставшие бродягами, должны содержаться. Тюремное ведомство считало – на средства благотворительных заведений. Начальник тюремного ведомства отвечал в декабре 1911 г. иркутскому и енисейскому губернаторам, что государственное ассигнование производится лишь на лечение, а не на призрение ссыльных [21].

В уездах роль богаделен играли так называемые «общественные избы-богадельни», которые устраивались и содержались на средства волостного общества или частных лиц. Енисейский губернатор А. Д. Лохвицкий так охарактеризовал эти учреждения: «Богадельни в округах даже и не должны называться этим именем, так как живущие в них пользуются только помещением; одежду и пищу получают от подаяний, весьма скудных и сами помещения почти не поддерживаются» [22]. В неурожайные годы крестьяне сами оказывались в бедственном положении и отказывались от попечения нуждающихся.

Итак, рост числа ссыльных, бродяг и беглых, а также причисление ссыльнопоселенцев в казенные селения нарушали сложившиеся в сибирском обществе традиции и порядки. Несмотря на сочувственное отношение сибирского населения к ссыльным, лишь немногие из них смогли интегрироваться в местное общество.

Основными причинами нищенства являлись экономические, которые сложно переплетались с причинами индивидуально-личностными, семейными, правовыми, культурно-бытовыми.

Решение проблемы нищенства в сибирском обществе XIX – начала XX вв. определялось двумя противоречивыми тенденциями: во-первых, сохранением среди населения обычая подавать милостыню; во-вторых, становлением организованной помощи со стороны государственных, местных административных и общественных организаций.

Прекращение уголовной ссылки в Сибирь на основании Закона от 12 июня 1900 г. хотя и избавило регион от массового наплыва уголовного элемента, но ряды нищих стали пополняться переселенцами, приток которых особенно возрос в годы столыпинской аграрной реформы.

Примечания

1. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6787. Оп. 1. Д. 6. Л. 88 об.
2. Дьяконов И. Ю. Нищенство в дореволюционной России // Этногр. обозрение. 2007. № 3. С. 30.

3. Сибирь в составе Российской империи / Л. М. Дамешек, А. В. Ремнев (отв. ред.) ; И. Л. Дамешек [и др.]. М., 2007. С. 278.
4. Катцина Т. А. Уголовная ссылка и проблемы нищенства в сибирском обществе в XIX – начале XX вв. // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. История России. 2010. № 3. С. 6.
5. Ссылка в Сибирь. Очерк ее истории и современного положения. СПб., 1900. С. 151–152.
6. Там же. С. 27.
7. Серошевский В. Ссылка и каторга в Сибири // Сибирь, ее современное состояние и нужды. СПб., 1908. С. 226.
8. Ссылка в Сибирь ... С. 315–316.
9. Павлова И. П. Социальное попечение в России в конце XIX – начале XX века : монография. Красноярск, 2003. С. 60.
10. Серошевский В. Указ. соч. С. 226.
11. Сибирь в составе Российской империи ... С. 228.
12. Серошевский В. Указ. соч. С. 221–222.
13. Ссылка в Сибирь. Очерк ее истории и современного положения ... С. 18.
14. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 33. Оп. 1. Д. 2. Л. 425.
15. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. К юбилею трехсотлетия. Современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее. СПб., 1882. С. 178.
16. Семилужинский Л. (Н. М. Ядринцев). Бродячее население Сибири // Антология социальной работы. В 5 т. Т. 2. Феноменология социальной патологии / сост. М. В. Фирсов. М., 1995. С. 24.
17. Селиванов А. Ф. Современное положение русской благотворительности // Тр. Первого съезда русских деятелей по общественному и частному призрению. 8–13 марта 1910 г. СПб., 1910. С. 305.
18. Семилужинский Л. (Н. М. Ядринцев). Указ. соч. С. 24.
19. Труды съезда по общественному призрению, созванного МВД 11–16 мая 1914 г. Т. II. Материалы. Пг., 1914. С. 426–427.
20. Серошевский В. Указ. соч. С. 226.
21. Павлова И. П. Указ. соч. С. 59
22. Краевое государственное бюджетное учреждение «Государственный архив Красноярского края». Ф. 161. О. 2. Д. 609. Л. 33 об.

**КОРОБЧЕНКО А. И.,
СЕНИЧЕНКО В. В.**

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛИЦЕЙСКИХ СЛУЖБ РОССИИ В БОРЬБЕ С ХУНХУЗАМИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Долгое время китайский бандитизм в российских пределах носил циклический характер. Всплески китайских правонарушений приходились на 1868, 1879, 1885 гг. Причины были различные – так, в 1868 г. российские власти прикрыли незаконную золотодобычу китайцев в Приморье, те ответили вооруженным восстанием. В 1879 г. российские власти в период осложнения отношений с китайским правительством из-за пограничных терри-